

В.А. Зверев

**ДОМОХОЗЯЙСТВО РУССКИХ КРЕСТЬЯН СИБИРИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.
(ОСНОВНЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ)**

Опубликовано: Зверев, В. А. Домохозяйство русских крестьян Сибири во второй половине XIX – начале XX в. / В. А. Зверев // Вторые Исторические чтения Томского государственного педагогического университета : материалы Междунар. конф. / отв. ред. Н. В. Лукина. – Томск : Изд-во Том. пед. ун-та, 2008. – Ч. 1. – С. 120–127.

Крестьянским домохозяйством, или просто крестьянским хозяйством, двором принято называть социально-экономическую и бытовую ячейку деревенского сообщества, объединяющую людей разнообразными отношениями, возникающими при организации их совместной жизни, в первую очередь – при ведении общего домашнего, а в большинстве случаев также аграрного (земледельческого, животноводческого) и промыслового хозяйства. Термин «крестьянское домохозяйство» имеет много аспектов: он употребляется в социально-экономическом, фискальном, семейно-хозяйственном, демографическом и иных смыслах.

Во второй половине XIX – начале XX вв. в Сибири существовало несколько видов крестьянских домохозяйств, различавшихся по демографической структуре: 1) семейные дворы, которые состояли только из членов одной крестьянской семьи, или основой которых являлась конкретная семейная ячейка; 2) дворы крестьян-одиночек, по каким-то причинам не вступивших в брак или потерявших семью; 3) договорные домохозяйства, ядром которых было объединение на паритетных началах представителей двух или более семей. Отношения родства или свойства между всеми членами одного хозяйства не были обязательными. В домохозяйстве людей объединяла не только совместная работа, но и совместное проживание, общий быт.

По данным Всероссийской переписи населения 1897 г. [подсчитано по: 1, Т. 73, С. 4-5; Т. 74, С. 4-5; Т. 75, С. 4-5; Т. 78, С. 6-7; Т. 79, С. 6-7; Т. 81, С. 4-5], в селениях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний, Акмолинской и Забайкальской областей средняя людность всех домохозяйств составляла 5,7 человек. Подавляющее большинство крестьянских хозяйств в деревне – 97,1 % в Западной Сибири, 94,9 % в Восточной – являлись «хозяйствами лиц, связанных родством», т. е. семейными, они сосредоточивали в своем составе в среднем 5,7 человек. «Хозяйства лиц одиноких» (таковых было 2,7 % в селениях Западной Сибири, 3,8 % в деревнях на востоке региона) состояли в среднем из 1,7 человек. Остальных домохозяйств было немного – 0,5 % в целом по уездам Сибири, но они являлись самыми «многодушными». Например, на западе региона в них входило в среднем 12 человек.

В состав крестьянских домохозяйств наряду с «законными» представителями основного ядра довольно часто входили «посторонние», или приселившиеся лица. Основные категории «посторонних»: 1) наемные работники – сельскохозяйственные рабочие, няни-«пестуны», прислуга; 2) задержавшиеся в доме проезжающие и заходящие гости; 3) постоянные квартиранты, «жильцы»; 3) призреваемые, воспитанники, «нахлебники»; 4) «сожители» – лица, состоящие в консенсуальном браке с домохозяином (домохозяйкой) или кем-то из «домашних». Во всех категориях «посторонних» на самом деле было много родственников и свойственников домохозяев, что свидетельствует о наличии в селениях развитых патронимических (фамильно-клановых) отношений. Приселения можно было обнаружить, судя по выборочным данным Тобольской губернии 1897 г. [подсчитано по: 2], в 20–30 % домохозяйств, но дворам крестьян-одиночек они были присущи в большинстве случаев, ведь в одиночку в деревне было невозможно вести хозяйственную деятельность. Наем рабочей силы намного превышал масштабы всех других приселений. Процесс социального разложения крестьянства Сибири проявился, в частности, в том, что годовые

и срочные батраки (в одиночку или с членами своих семей) нередко проживали в нанявших их домохозяйствах, относившихся главным образом к высшему социальному слою деревни. По данным сельскохозяйственной переписи 1916 г., в состав каждых 100 зажиточных дворов Томской губернии входило около 30 батраков-приселенцев, в средняцких дворах соответствующий показатель приближался к 10 [подсчитано по: 3, С. 66-300].

Людность и структура, а также образ жизни домохозяйств заметно различались в разных сословных (у собственно крестьянства и казачества), субрегиональных (в базовой для развития капитализма зоне вдоль транспортных магистралей и в стороне от них), в конфессиональных группах русского крестьянства Сибири, но постепенно эти различия нивелировались. Особенности же дворов в формирующихся социально-классовых группах, наоборот, оформлялись и усиливались. Размеры и состав семьи были напрямую связаны с имущественной состоятельностью двора. В 1916 г. в Томской губернии дворы с посевом до 1 десятины насчитывали 4,5 человека, в том числе 2-х трудоспособных; дворы с посевом от 25 до 50 десятин – соответственно 12,9 и 5,4 человека [подсчитано по: 3, С. 66–300]. Относительно большая средняя людность была характерна для дворов в лесостепной полосе Сибири, где они вели комплексное (многоотраслевое) хозяйство с равным значением земледелия и скотоводства, с разнообразными дополнительными занятиями. Крупными в демографическом отношении были переселенческие хозяйства; в их составе доминировали трудоспособные мужчины и лица младших возрастов.

Относительная многолюдность переселенческих хозяйств, рост товарности сельхозпроизводства, сокращение числа разделов в военное время оказали определяющее влияние на динамику людности крестьянского двора в регионе. В 1917 г. в среднем на один крестьянский двор в Сибири приходилось 6,1 человека, включая мужчин, мобилизованных в армию [подсчитано по: 4, С. 72, 84]. Общее число крестьянских хозяйств в регионе по сравнению с 1897 г. выросло в 1,6 раза.

Динамика демографического и экономического развития влияла на производительные силы крестьянского двора. На рубеже веков среднестатистическое хозяйство крестьян, проживающих в основных сельскохозяйственных районах Сибири, увеличивало посевные площади и поголовье крупного рогатого скота. Число лошадей и мелкого рогатого скота в нем, в связи с изменением специализации сибирского животноводства с мясной на молочную, наоборот, снижалось. В конце первого – начале второго десятилетия XX в. средняя хозяйственная обеспеченность крестьянского двора уменьшилась. Причиной этого стал массовый наплыв переселенцев, большинство из которых в первые годы своей жизни в Сибири имели относительно небольшое хозяйство. Адаптируясь к местным условиям, они постепенно наращивали свою хозяйственную состоятельность. В итоге с 1912 г. площадь посева и поголовье скота в расчете на один двор стали расти. Первая мировая война не сразу прервала данный процесс. В 1916 г. на одно крестьянское хозяйство на территории будущего Сибирского края приходилось 6,4 десятины посева, 4,2 лошади (в том числе 3,1 рабочих), 5,8 голов крупного рогатого скота, в том числе 2,9 коров [5, С. 41, табл. 1]. По посеву и поголовью коров эти показатели превосходили уровень 1897 г.

В начале XX в., как и в предыдущий период, сибирское крестьянство традиционно отличала высокая степень имущественной дифференциации. В земледельческо-скотоводческой полосе Сибири сравнительно глубокой была и социально-классовая дифференциация дворов. Основным занятием беспосевных и безлошадных сельских пролетариев являлась продажа своей рабочей силы. На противоположном полюсе деревни находились крупные предпринимательские хозяйства. Так, крестьянин с. Бруснево Барнаульской волости одноименного уезда Томской губернии П.А. Глебов летом 1916 г. имел 18 рабочих лошадей, 70 коров, 260 овец и 53 десятины посева [6, С. 206]; он, разумеется, использовал наемный труд. Впрочем, для организаторов специального конкурса, приуроченного к 300-летию царствования дома Романовых, не составило труда найти в Сибири немало во всех отношениях

образцовых домохозяйств, главный доход которым приносила не эксплуатация батраков, а вознаграждение за труд владельца и членов его семьи [7].

Во второй половине XIX – начале XX вв., как и в предшествующую историческую эпоху, хозяйственной жизни большинства крестьянских дворов, особенно в среде зажиточных старожилов, а территориально – в наиболее освоенной южной полосе Сибири была присуща многопрофильность, при ведущей роли земледелия и тесно связанного с ним животноводства. Можно считать, что таким образом проявлялась одна из институциональных характеристик крестьянства – класса мелких сельскохозяйственных производителей, которые вырабатывают в основном для собственного потребления большую часть необходимых для жизни продуктов. Крестьянское хозяйство в эпоху модернизации экономики все прочнее интегрировалось в товарно-денежные отношения и тесно связанное с ними общественное разделение труда, но на рубеже XIX–XX вв. этот процесс был еще далек от завершения. Не только от экономической специфики местности, наличия денежных и материальных средств в домохозяйстве, но также от его людского состава, возможностей пополнения этого состава зависел выбор конкретной конфигурации сфер хозяйственной деятельности двора. Многопрофильные хозяйства были максимальными по своей людности, а относительно немногочисленные чисто земледельческие или, наоборот, беспашенные, занимавшиеся добывающими и обрабатывающими промыслами, имели небольшой состав. Еще одна институциональная характеристика крестьянства – это базирование его экономической жизни на труде членов собственной семьи домохозяина. Дополнительную роль у зажиточных сельчан играл труд годовых и сроковых, а также поденных наемных работников (последние обычно не жили в доме нанимателя и в домохозяйство не входили). Определенное значение также имели традиционные и новые виды фамильно-клановой и соседской взаимопомощи – «помочи», артели и др.

Хозяйственная деятельность на земле всегда являлась системообразующей, стержневой сферой образа жизни крестьянского домохозяйства. Конфигурация отраслей семейно-экономической деятельности, традиционное распределение трудовых обязанностей между «домашними» диктовали необходимость ускорения раздела семейного двора или отказа от такового, торопили главу домохозяйства со свадьбой сына или воздерживали его от выдачи замуж дочери, заставляли соединиться с другой семьей в «договорном» хозяйстве, способствовали найму батраков, приходу в дом зятя-«приймака» и т. д. Существовала и противоположная связь: от людности и состава домохозяйства во многом зависели выбор его основного и вспомогательных занятий, распределение и координация трудовых ролей его членов.

Рабочее время и силы взрослых членов домохозяйства – мужчин были задействованы прежде всего на полевых работах (раскорчевка «новин», пахота, посев, сенокосение, жатва хлеба косами) и обмолоте хлебов; в животноводстве – на обеспечении всего скота водой в стойловый период, уходе за лошадьми; в домашнем быту – на заготовке дров. Мужскими промыслами считались извоз, охота, рыболовство, обработка металла и дерева. Главные и весьма трудоемкие женские занятия – прополка полей от сорняков, сгребание скошенного сена, большинство огородных работ, жатва хлебов серпом, уход за всеми видами скота (кроме лошадей), доение коров и переработка молока. Огромные затраты труда женщин требовались в прядении и ткачестве, но особенно – в сфере домашнего самообслуживания (приготовление пищи на всех, уборка, пошив и стирка одежды и пр.), которое отнимало более 40 % всего рабочего времени и удлиняло женский рабочий день на 1–2 часа по сравнению с мужским. Важные обязанности возлагались на подростков: боронить пашню и заделывать семена, управлять лошадью во время перевозки копен на сенокосе и обмолота хлебов «молотягой» (мальчики), водиться с младшими детьми (девочки). В работах по жилищу и подворью, в уходе за малышами до глубокой старости участвовали пожилые

люди. В семье и домохозяйстве большую роль играла взаимная поддержка родных людей, но характерной особенностью этих институтов в доиндустриальную эпоху являлась авторитарная власть главы домохозяйства – «большака». В сфере женских работ и женского быта относительно автономно доминировала «большуха» – жена домохозяина. Такие проявления модернизации деревни, как рост применения сельскохозяйственных машин, привлечение наемного труда со стороны, пробуждение личностного самосознания способствовали облегчению труда членов крестьянского двора, в том числе женщин и детей, перестройке хозяйственных обязанностей и отношений по поводу их исполнения.

Крестьянское домохозяйство было многофункциональной ячейкой. В основном в рамках семьи и домохозяйства происходила социализация подрастающих поколений, ядром которого было трудовое и морально-нравственное воспитание [8, С. 117-137; 9]. Общение сельчан и рекреация – формирование и поддержание психологических установок, восстановление жизненных сил сельчан – в значительной степени тоже происходили в кругу «домашних». Крестьянский двор был одной из элементарных ячеек общественной структуры, в эпоху модернизации усиливалась его связь с многогранной жизнью локального, регионального и национального сообщества. Даже участие крестьянства в общественном движении подразумевало тесную увязку с функционированием трудового домохозяйства. В зимнее время, когда крестьяне не были заняты полевыми работами на своих наделах и арендованной земле, количество и масштабы крестьянских выступлений против различных аспектов политики властей, господствующих общественных порядков были максимальными. Минимум социальной и политической напряженности в деревне совпадал с периодами самых интенсивных в домохозяйстве весенних и особенно осенних работ; в летнее же межсезонье происходил новый всплеск крестьянской активности, далеко не достигающий зимнего уровня [10, С. 153-154].

Капиталистическая модернизация сибирской деревни привела, в частности, к появлению следующей тенденции: некоторая часть крестьянских домохозяйств теряла свои институциональные признаки, суживала функции – переставала быть ячейками общественного производства, социализации новых поколений и т. д. Эта тенденция проявилась на социальных полюсах деревни. Бедняцкий двор в ходе пролетаризации или пауперизации распадался вовсе или трансформировался в группу близких родственников, живущих совместно, но работающих по найму в чужих хозяйствах. Дворы наиболее крупных и энергичных сельских предпринимателей, обрастая наемной рабочей силой, превращались в ядро капиталистической кооперации или хозяйства фермерского типа. Однако указанная тенденция на рубеже XIX–XX столетий не приобрела масштабов, которые серьезно угрожали бы существованию основной массы традиционных крестьянских домохозяйств.

Источники и литература:

1. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб.: Центр. стат. ком. МВД, 1904–1905. Т. 73: Енисейская губерния. 185 с.; Т. 74: Забайкальская область. 183 с.; Т. 75: Иркутская губерния. 171 с.; Т. 78: Тобольская губерния. 247 с.; Т. 79: Томская губерния. 245 с.; Т. 81: Акимолинская область. X, 135 с.

2. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГУТО ГАТ). Ф. 417. Оп. 2. Д. 7, 12, 20, 21, 25, 40, 45, 61, 69, 76, 90, 92, 107, 125, 149, 154, 164, 166, 176, 180, 181, 184, 192, 193, 211.

3. Бауфал А.М. Материалы переписи 1916 г. по Томской губернии (из опыта обработки на ЭВМ) / А.М. Бауфал, Л.М. Горюшкин, В.С. Золототрубов, И.В. Островский, А.М. Рябоконеv. Новосибирск: Ин-т истории, филологии и философии СО АН СССР, 1969. 306 с.

4. Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 52 губерниям и областям. М.: Центр. стат. упр., 1921. VIII, 87, 3 с. (Тр. / Центр. стат. упр. РСФСР. Отд. с.-х. переписей; т. 5, вып. 1).

5. Ильиных В.А. Крестьянское хозяйство в Сибири (конец 1890-х – начало 1940-х гг.): тенденции и этапы развития // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX в.: проблемы изучения. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1999. С. 33-75.

6. Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1976. 344 с.

7. Халютин П.В. Крестьянское хозяйство в России: извлечение из описаний хозяйств, удостоенных премий в память 300-летия царствования дома Романовых. Пг.: Департамент земледелия ГУЗиЗ, 1915. Т. 3: Азиатская Россия и Кавказ. 2, 199 с.

8. Зверев В.А. Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма (историко-демографический анализ). Новосибирск: Новосиб. пед. ин-т, 1991. 148 с.

9. Березина Т.И. Педагогическая культура русского сибирского крестьянства (1861–1917 гг.). Новосибирск: Новосиб. пед. ун-т, 1998. 115 с.

10. Зверев В.А. Три книги о крестьянском движении в Сибири (в связи с изучением образа жизни крестьянства) // Участие крестьянства в освоении восточных окраин России (конец XVII – начало XX вв.). Новосибирск: Новосиб. пед. ин-т, 1990. С. 148-155.